
— Даш, подай, пожалуйста, соус.
— Катя протянула руку через стол и ткнула пальцем в пластиковую бутылочку.

— Держи.

Даша передала соус сестре.

Та кивнула.

— Благодарю.

— Эй, народ! Ну как вам суши?

Могучий голос Ярослава перекрыл гул, царящий за столом. Даша украдкой взглянула на него и тут же почувствовала, как щеки заливает жар. Ну почему так? Стоит только ей посмотреть на Ярика, как внутри у нее все начинает трепетать. Она сердито закусил губу и отвернулась к окну.

— Дашка, ты чего? — удивилась Соня. — Тебе что, суши не нравятся?

— Нравятся! — буркнула Даша, не оборачиваясь.

– Суши великолепные, – вступила в разговор Инга Николаевна. – Но в мое время принято было готовить угощение к праздничному столу, а не заказывать готовое, всякие там пиццы да суши.

– Мам, в твоё время никаких суши в помине не было, – снисходительно заметила Соня.

Инга улыбнулась ярко накрашенными губами.

– Верно, доченька. В мое время много чего не было из того, что есть сейчас. Эх, если бы в мою молодость существовала такая косметика, средства для ухода за кожей и волосами! А также всякие филеры, уколы гиалауронки и прочее... – Она мечтательно вздохнула.

– Мамуль, зачем тебе гиалауронка? – засмеялась Катя. – Ты и так выглядишь как девушка. Верно же я говорю? – Она оглядела сидевшую за столом семью.

– Конечно, верно, – тут же подхватила Соня. – Наша мамочка самая молодая и красивая!

– А потому – выпьем за нее! За ее юбилей! – Ярослав в мгновение ока разлил по бокалам шампанское.

Раздался мелодичный звон.

– Ура! – крикнула Соня.

– Ура! Ура! – подхватили все остальные.

Инга Николаевна смеялась, откидывая назад длинные, струящиеся по плечам волосы. Даша невольно

залюбовалась матерью. Выглядит просто супер. Пятьдесят ей ни за что не дашь, максимум сорок, а то и меньше. Лицо гладкое, без единой морщинки, в глазах молодой блеск, фигура идеальная. И немудрено — Инга три раза в неделю ходит в тренажерный зал, потом плавает в бассейне, а летом ежедневно совершает велосипедные прогулки и катается на роликах. Вот бы Даше быть такой активной и уверенной в себе!

Но нет, ей восемнадцать, и она типичный рефлексирующий подросток: прыщики на лбу, лишний вес и дурацкие кудряшки, которые никак не уложишь в нормальную прическу. И почему она такая уродилась? Сестры Катя и Соня — все в мать, красавицы, глаз не отвести. Обе высокие, стройные, никаких проблем с кожей, и волосы прямые, густые, блестящие, ниже плеч. Ну отчего ей так не повезло?

Она вздохнула украдкой и залпом выпила шампанское.

— Дашка, твоя очередь говорить тост, — ухмыльнулся Альберт.

— Почему это моя? — Даша поглядела на мужа сестры с неприязнью.

Она не любила Альберта и не скрывала этого. И что Сонька в нем нашла? Ну да, смазливая мордаш-

ка, весь такой юркий, вертлявый. Умеет пошутить, везде вставит свои пять копеек, якобы сильно эрудированный. А на поверку — бездельник, живущий за счет семьи. За два года сменил пять мест работы, нигде подолгу не задерживается. Не ценят его, видите ли, не понимают яркую творческую натуру. А Соня пашет на двух работах как проклятая. Да еще и облизывает этого альфонса, шмотки ему покупает дорогие, балует борщами да пирогами. Тьфу...

— Даш, правда, мы уже почти все сказали, остались ты и Катюха, — миролюбиво заметила Соня.

— Тогда пусть она первая.

— О'кей. Кать, вставай. — Соня потербила сестру за плечо.

Та послушно поднялась с дивана.

— Дорогая наша мамулечка! С юбилеем тебя! Ты — наша гордость и путеводная звезда. Мы тебя очень любим и хотим, чтобы ты была здорова и счастлива!

— Спасибо, моя дорогая! — Инга Николаевна обняла дочь и крепко прижала к себе. — Вообще, всем спасибо! Вы устроили мне замечательный праздник. И я очень рада, что отказалась от идеи отпраздновать юбилей в ресторане. Так значительно уютней, дома, в тесном семейном кругу.

Она встала, поочередно подошла к каждому, сидящему за столом, и расцеловала в обе щеки.

— Дашка, ну теперь ты, — шепнула Катя на ухо сестре.

Даша неловко поднялась.

— У меня бокал пустой.

— Это мы сейчас исправим. — Ярослав тут же налил ей шампанского.

Под его взглядом она смутилась еще больше.

— Ну что ты, давай. — Соня легонько ткнула ее в бок.

— Мамочка, я поздравляю тебя. — Даша облизала пересохшие губы и замолчала.

Ну не может она говорить тосты! И вообще не переносит, когда к ней приковано общее внимание, даже если находится в кругу близких родственников.

За столом наступила тишина. Все смотрели на Дашу с ожиданием.

— Я тебя поздравляю, — повторила Даша, чувствуя, как багровеют уши.

— Что ты заладила, как попугай, — хмыкнул Альберт.

Соня тихо хихикнула. Катя молча улыбалась. Даша совсем стушеввалась. Рука ее дрогнула, бокал накрепился, шампанское пролилось на скатерть.

— Осторожно! — Катя быстро прикрыла лужицу салфеткой. — Дашка, какая же ты неуклюжая!

— Да уж, — подтвердила Соня.

— Хватит вам, — веско проговорил Ярослав. — Не смущайте ребенка.

— Какой она ребенок? — возмутился Альберт. — Совершеннолетняя.

— По сравнению с тобой — ребенок. И ей- богу, она гораздо серьезней, чем ты.

Альберт демонстративно надулся.

— Катька, твой муж считает меня легкомысленным недоумком.

— Брось. Он не это имел в виду, — тут же возразила Катя.

— Не это? А что?

— Он просто хотел поддержать Дашулю. Верно, Ярик? — Катя заглянула мужу в глаза.

Тот промолчал с хмурым видом. У Даши потеплело на душе. Похоже, не одна она не переваривает Альберта.

— Тихо, дети, не надо ссориться, — вмешалась в разговор Инга Николаевна. — Дашенька, благодарю за поздравление! Давайте выпьем за всех вас! Чтобы вы были здоровы и счастливы.

Ярослав с готовностью открыл очередную бутылку с шампанским. Из соседней комнаты послышался детский плач.

— Олежка проснулся. — Катя вскочила и стала выбираться из-за стола. — Пойду гляну.

Она скрылась за дверью. Оттуда слышался ее голос, тихо увещающий младенца:

— Ну-ну, мой зайчик, спи, мама рядом.

— Пора нам ехать, наверное, — не слишком уверенно произнес Ярослав. — До Мытищ путь неблизкий. Пока доедем, будет ночь.

— Зачем вам ехать в Мытищи? — Инга Николаевна развела руками. — Оставайтесь у меня. Квартира большая. Я лягу в гостиной, а вы с Олежкой в спальне.

Квартира Инги Николаевны действительно была просторной и вместительной. Она купила ее три года назад в новостройке, взяв на стадии котлована. И вот полгода назад получила ключи от евродвушки, в которой сейчас и проходил банкет. Катя же с Ярославом также три года назад взяли в ипотеку трешку в Мытищах, денег на более близкую локацию у них не хватило.

— В конце концов, вы можете заночевать и у нас, — предложила Соня. — Мы живем, конечно, не так уж

близко, но по крайней мере не в Подмосковье. И места у нас хоть отбавляй.

— Спасибо. — Ярослав улыбнулся. — Но Катя предпочитает спать в своей постели и вряд ли согласится ночевать не дома. Впрочем, сейчас спросим ее.

Катя в это время вышла из комнаты и осторожно прикрыла дверь.

— Уснул, — сказала она шепотом.

— Катюш, вот Инга Николаевна предлагает остаться сегодня у нее. — Ярослав вопросительно взглянул на супругу.

— Или у нас, — предложила Соня.

— Спасибо, мои дорогие. — Катя с благодарностью взглянула на родных. — Но нет. Мы поедем домой. Ярику завтра рано вставать на работу. Олежку надо везти к доктору. У меня тоже много дел. Так что скоро поедем, вы уж не обижайтесь.

— Ну вот, — расстроилась Инга Николаевна. — Так хорошо сидим. Жаль.

— Не переживай, мамуль. — Катя обняла мать. — Мы еще побудем немного. Час или чуть больше.

— Если час, то нужно обновить запасы. — Ярик повертел в руках пустую бутылку из-под шампанского. — Это последняя.

— Как же так? — удивилась Соня. — Вы же брали целый ящик. Неужели все выпили?

— А ты как хотела? — усмехнулся Альберт. — Посмотри, сколько нас. С двух часов сидим, а сейчас половина одиннадцатого.

— Так что ж вы! Бегите скорее в магазин, пока еще время есть, — спохватилась Катя.

— Верно. — Ярослав поднялся во весь свой могучий рост. — Алик, вперед, на выход.

— А что, ты один не сможешь сходить? — занял Альберт. — Я тут так хорошо сижу, пригрелся. — Он демонстративно улегся Соне на плечо и развалился на диване.

Она ласково потрепала его по волосам.

— Вставай, лентяй. Почему Ярик должен один за всех отдуваться?

— Не бережете вы меня. — Альберт нехотя полез из-за стола, на ходу потягиваясь. — Инга Николаевна, хоть бы вы за меня заступились. Там мороз, а я в легких ботинках.

Инга в ответ только улыбнулась, показывая отличные белые зубы.

— Давай быстрее, — крикнул из прихожей Ярослав.

Альберт театрально вздохнул и побрел в коридор. Хлопнула дверь.

— Сонь, ты будешь свои суши доедать? — спросила Катя.

Та помотала головой.

— А ты, Даш?

— Я доем. Это мои любимые.

— Ясно. — Катя вытащила из сумки контейнер. — Тогда я возьму твои домой, а, Сонь? Ты не возражаешь? Нам на завтрак будет.

— Бери, конечно, — согласилась Соня, пожав плечами.

В ее тоне Даша расслышала насмешку. Катя действительно дошла до ручки. Экономит на всем. Забирает со стола объедки и несет домой. Олежку одевает только в купленное по дешевке с «Авито». Сама регулярно ходит в секонд-хенд. Машина у них постоянно ломается от старости и от того, что Кате жалко денег на нормальный ремонт. Хотя, конечно, не им с Соней судить сестру. Сами они припеваючи живут в трехкомнатной квартире в Измайлове, оставленной им Ингой Николаевной. Даша в одной комнате, Альберт с Соней в другой. А третья свободна, она у них вместо гостиной. Там они собираются по вечерам, пьют чай, играют в игры, слушают музыку.

— Спасибо, — как ни в чем не бывало проговорила Катя и принялась переключать суши в контейнер.

У Инги Николаевны зазвонил мобильный.

— Да! Да, Верунчик! Это Вера из Регенсбурга! — пояснила она, прикрыв трубку рукой. — Спасибо, дорогая. Да, сидим, празднуем. Нет, не в кафе, дома. В тесном семейном кругу. Дети, внучок. Спит в спальне. Конечно, здорово. Спасибо еще раз! Целую.

Инга Николаевна нажала на отбой.

— Вера в восторге от нашей семьи. Говорит, можно только позавидовать, какие мы дружные.

— Вот и пусть завидует, — неожиданно зло проговорила Соня. — У самой-то ни мужа, ни детей. Одни собаки.

— Ну зачем ты так, Сонюшка, — мягко укорила ее Инга Николаевна. — Каждый живет чем хочет. И как может.

— Не понимаю я таких людей, — не унималась Соня. — Собаки им дороже семьи.

— Перестань, — вмешалась Катя. — Собака — это здорово. Я бы и сама с удовольствием завела щенка.

— Ну и заведи. Что тебе мешает? — фыркнула Соня.

— Все мешает, — вздохнула Катя. — Во-первых, с собакой нужно гулять, а нас с Яриком постоянно нет дома. Во-вторых, Олежка аллергик. В-третьих, щенков все погрызет, жалко ремонт.

— Ну, ясно все с тобой, — уже спокойней протянула Соня и взглянула на часы. — Где, интересно, наши парни? Полчаса прошло. Магазин в соседнем доме.

— Верно, где их черти носят? — согласилась Катя. — Нам ехать пора.

— Не иначе, пивом затарились, — предположила Соня.

— Каким еще пивом! — возмутилась Катя. — Это значит, они сейчас налакаются, а мне машину вести? Нет уж, мы так не договаривались! Сонь, набери Алика.

Соня нажала на вызов.

— Не берет.

Она сбросила и снова набрала.

— Нет. Не слышит.

— Дай я, — сердито проговорила Катя и вытащила телефон. — Смотри-ка, и мой не берет, — сказала она через минуту.

— Пойду пиццу разогрею. — Инга Николаевна поднялась из-за стола. — Там еще осталась в коробке.

— Как-то уже ничего не хочется. — Катя зевнула и зябко поежилась. — Я бы, если честно, спать легла. Где их носит нелегкая?

— Может, что-то случилось? — неуверенно предположила Соня.

— Может, и случилось. — Катя встала и нервно заходила по комнате.

— Давайте я сбегаю посмотрю, — предложила Даша. — Может, встречу их.

— Ты что? — всполошилась Инга Николаевна. — Время-то какое? Куда девушке одной на улицу на ночь глядя?

— Мама права, — подхватила Катя, но Даша уже не слушала их.

Она быстро вышла в прихожую и принялась надевать куртку. Сунула ноги в угги и выбежала за дверь.

Подъехал новенький лифт. Двери со скрипом разъехались. Даша вошла в кабину и глянула на себя в зеркало. Лицо было бледным и напряженным. Она спустилась и вышла на улицу. Легкие тут же обожгло холодом. Стояла середина января, уже неделю лютовали морозы. Даша подняла повыше ворот куртки и резво зашагала к сверкающей огнями «Пятерочке».

Заверещал телефон. Даша вытащила его из кармана и вмиг заледеневшими пальцами нажала на «прием».

— Дашкевич, привет!

Это был Руслан. Как он сейчас нехстати!

— Привет, — сказала Даша, задыхаясь от быстрой ходьбы.

– Ну как вы? Сидите еще?

– Нет. У нас ЧП. Мужья сестер пропали.

– Как это пропали? – удивился Руслан.

– Вышли за спиртным и исчезли. На звонки не отвечают. Уже минут сорок прошло. Магазин рядом.

– Да брось, не переживай. Они же взрослые мужчины. Сколько им?

– Альберту тридцать, Ярику тридцать два.

Руслан коротко хохотнул.

– Ни фиги себе. Думаешь, они могут заблудиться?

– Не думаю. Но все-таки неприятно. Рус, можно я тебе перезвоню? Мне сейчас не очень удобно.

– Конечно, перезвони.

Руслан отключился. Он был единственным, с кем Даша сошлась за полгода учебы в универе. Девчонки игнорят по причине неказистой внешности, ребята вообще не обращают на нее внимания. Только Руслан как прилип в первый день занятий, так и не отлипает. Все думают, у них роман, а никакого романа в помине нет. Просто дружба, крепкая, хорошая дружба.

Даша вошла в «Пятерочку» и двинулась между прилавками. Из-за позднего времени народу было мало и помещение хорошо просматривалось. Через пять минут ей стало ясно, что Ярика и Альберта здесь нет.

Она подошла к кассе, за которой сидела девушка с милостивым и усталым лицом.

— Добрый вечер, — сказала та, не глядя на Дашу. — Наличные, карта?

— Добрый. Я без покупок. У меня к вам вопрос.

Кассирша подняла на нее удивленные глаза.

— Какой вопрос?

— Вы не видели тут полчаса назад двух молодых мужчин? Один высокий блондин, одет в темно-синий пуховик и черную шапку. Другой пониже, рыжеватый, скуластый, губы пухлые. Они должны были покупать шампанское.

Девушка помотала головой.

— Нет, таких не было.

— Точно? — не поверила Даша. — Может, работала еще касса?

— Нет. Я с десяти часов одна. Гуля ушла, у нее ребенок заболел. Вы, если хотите пробивать что-то, давайте скорей, мы закрываемся.

— Говорю же, я без покупки.

Даша вышла на улицу. Мороз, казалось, еще больше усилился. На месте стоять было невозможно, ноги стыли и превращались в ледышки. Даша, пританцовывая на месте, огляделась вокруг. Метрах в двадцати

виднелся «Магнит», он был уже закрыт. Больше магазинов в обозримом пространстве не наблюдалось.

Мимо Даши, смеясь и обнимаясь, прошла молодая пара, парень и девушка.

— Простите! — окликнула их Даша.

Парень остановился.

— Миш! Ты чего? Пойдем, нас ждут, — капризно протянула девица и, схватив своего спутника под локоть, попыталась сдвинуть с места.

— погоди. — Добрый Миша освободился из ее цепких коготков и подошел к Даше. — В чем дело, малышка? Ты совсем замерзла. Что-то случилось?

— Скажите, тут есть еще работающие магазины? — Даша посмотрела на парня с надеждой.

Брови того удивленно поползли вверх.

— Магазины? Так вот же, ты стоишь у магазина. Беги скорей, пока не закрылся.

— Мне... мне нужен другой, — смущенно пролепетала Даша.

Парень пожал плечами.

— Есть еще «Дикси», он круглосуточный, но до него идти минут восемь, а то и все десять. — Он озадаченно взглянул на Дашу. — Да тебе что нужно-то?

— Шампанское, — пробормотала та, чувствуя себя полной идиоткой.

Парень улыбнулся.

— В этом «Дикси» нет шампанского, только пиво.

— Мишут, ты не видишь, она пьяная, — недовольно крикнула девушка, успевшая уже отойти на приличное расстояние. — Идем, ради бога.

— Вот что, красотка. — Парень хлопнул Дашу по плечу. — Мой тебе совет, топай домой, а не то превратишься в снежную бабу. И парню своему скажи, чтобы в следующий раз не посылал тебя одну за шампанским на ночь глядя.

Он помахал рукой и побежал догонять свою подружку. Даша нерешительно двинулась в сторону дома. В кармане завибрировал мобильный. Она дрожащими руками выхватила трубку.

— Дашка! Ты где?? — в ухо ей крикнула Катя.

— Домой иду. Пришли ребята?

— Нет!!

— В «Пятерке» их не было.

— Бред какой-то. Не знаю, что и думать.

Даше от безнадёги пришла в голову совсем дикая мысль.

— Может... может, они на машине поехали? В какой-нибудь дальний магазин?

— Да нет, ключи на комодке лежат. Ты-то хоть давай домой, мама уже с ума сходит.

— Сейчас.

Даша прибавила шагу и зашла в подъезд.

Стол уже был пуст. В прихожей громоздились два больших пакета с мусором. Катя мыла посуду. Соня сидела на диване в слезах. Инга Николаевна нервно пила чай из тонкой фарфоровой кружки.

— Сонечка, ну не плачь. — Даша подседа к сестре и обняла ее за плечи. — Все обойдется.

— Вечно этот Алька вляпается в какую-нибудь историю! Я никогда не могу быть спокойна, никогда не могу расслабиться! — Соня жалобно всхлипнула.

— Надо звонить в полицию, — проговорила Инга Николаевна и решительно поставила чашку на стол.

Катя обернулась и посмотрела на нее с удивлением.

— Какая полиция, мам? Их нет всего полтора часа.

— Все равно. Мало ли что могло случиться?

— Полиция не станет сейчас этим заниматься, — вмешалась Соня.

— А я считаю, мама правильно говорит. — Даша встала с дивана и подошла к Кате. — Незачем ждать. Надо заявить об исчезновении.

— Тоже мне, знаток нашелся, — сердито проговорила Катя, запихивая в сушку последнюю тарелку. — Завтра позвоним.

— Завтра так завтра, — вздохнув, согласилась Инга Николаевна. — Тогда давайте ложиться. Даша с Соней в гостиной, Катюша с Олежкой в спальне. А я себе кресло-кровать разложу.

Даша хотела что-то возразить, но, взглянув на бледное, осунувшееся лицо Кати, махнула рукой. Пусть делают, как знают, в конце концов, это их мужья.

— Я в душ, — проговорила она и вышла из комнаты.

2

Всю ночь Даша не могла сомкнуть глаз. Ворочалась с боку на бок, ей было то жарко, то холодно. Рядом точно так же возилась Соня, бормотала во сне что-то неразборчивое и даже тихо стонала.

Под утро Даше наконец удалось задремать поверхностным и тревожным сном. Ровно в семь она как по команде открыла глаза.

— Проснулась? — Соня стояла у окна и расчесывала свои роскошные волосы. — Я уж думала тебя будить. Ты на пары-то идешь?

— Иду. — Даша сладко зевнула, повернулась на другой бок и натянула было одеяло на голову, как вдруг ее пронзило ужасное воспоминание о вчерашнем дне. Она резко села на постели. — Ребята!! Они так и не звонили?

– Нет. – Соня уронила руку со щеткой.

– А вы им?

– Сто раз. Катька всю ночь набирала Ярика. Под утро стал «абонент не абонент». И у Альберта тоже.

– Телефон сел, – упавшим голосом проговорила Даша.

В комнату вошла Катя с Олежкой на руках.

– Тихо. Мама спит. Только недавно уснула, с сердцем было плохо.

Она сунула Олежку Даше.

– Подержи, я ему кашу сварю. Я быстро.

Даша усадила малыша рядом с собой на диван. Он тут же вцепился пухлыми пальчиками в ее кудряшки.

– Ай! Больно! Отпусти сейчас же. – Даша с трудом оторвала Олежкину руку от своих волос.

Он тут же захныкал.

– Сейчас, сейчас. – Катя помешивала в кастрюле манку.

Соня скрутила волосы в пучок и взяла Олежку на руки.

– Иди собирайся, – сказала она Даше. – И у тебя телефон звонит. Не слышишь?

Даша с трудом встала с дивана и взяла мобильный.

– Доброе утро, Дашкевич! Ну как, нашлись ваши мужики?

– Нет, Рус, не нашлись.

Даша с телефоном в руках побрела в ванную.

– Кошмар! Что будете делать? В полицию надо.

– Понятное дело. – Она включила воду и достала из футляра зубную щетку.

– Тебя сегодня ждать? – спросил Руслан.

– Да. Я уже собираюсь.

– Тогда давай у метро через час?

– О'кей.

Даша принялась чистить зубы. Потом умылась и пошла одеваться.

Катя за столом кормила Олежку кашей. Тот плевался и норовил отнять у нее ложку.

– Я ухожу. – Даша натянула джинсы и толстовку.

– А завтракать? Соня готовит яичницу на всех.

Соня действительно хлопотала у плиты, наливая на сковородку масло.

– Я не хочу. В универе в столовке перекушу.

– Ну-ну, гробь себе желудок. – Катя осуждающе покачала головой. – А ну лопай давай! – прикрикнула она на сына.

– Вы в полицию пойдете? – спросила ее Даша.

– Пойдем.

Даша кивнула и ушла в прихожую. От недосыпа ее подташнивало, глаза чесались и слезились.

На улице лютвала метель. Пронизывающий ветер налетел на Дашу, едва она вышла из подъезда, и чуть не повалил с ног. Она шла к метро и думала о Ярике. Где он? Что с ним? Наверняка во всем виноват этот противный Альберт. Какая очередная порочная мысль пришла ему в голову? Только бы они были живы, Даша не перенесет, если с Яриком что-то случится...

Ярик был Дашиной бедой вот уже три года. С тех пор, как он появился на пороге их квартиры рука об руку с Катей, она пропала. Ему было двадцать девять, а ей пятнадцать. О чем вообще может идти речь? Тем более Ярик был влюблен в Катю и почти сразу же после знакомства сделал ей предложение.

Даша краснела, бледнела, заикалась, писала в тетрадку жуткие стихи без рифмы и размера и прятала ее под подушку. Съехала в школе на сплошные тройки и перессорилась со всеми подругами.

Ярик, казалось, ничего не замечал. Он сидел за семейным столом, громко смеялся, обнимал Катю, называл Дашу сестренкой, Дашулей, приносил ей шоколадки, а на день рождения подарил большого плюшевого мишку. Стоило ему посмотреть на нее, она теряла дар речи, чувствовала себя невероятной дурой, маленькой, некрасивой, никому не нужной...

Потом они с Катей уехали, и стало еще тоскливей. Даша могла видеть Ярика не больше одного раза в месяц, и он, и Катя были постоянно заняты — работа, дом, ребенок, еще работа. Постепенно она привыкла, забросила тетрадь со стихами, перестала мечтать перед сном, плакать тоже. Почти. Но сердце ее все равно принадлежало мужу старшей сестры. Даша знала — лишь только он моргнет, она кинется за ним без оглядки. Босиком по стеклу.

И вот теперь он пропал, а ей даже виду подать нельзя, как она страдает. Страдать положено жене, а Даша Ярику никто. Просто родственница. Глупая маленькая сестренка...

Руслан ждал ее возле стеклянных дверей. Он был в снегу, шапка, брови, ресницы — все белое.

— Ну наконец-то! Я уж думал, ты не придешь. Идем скорей, опаздываем. — Он схватил Дашу под руку и потянул за собой.

От метро до универа было пять минут ходу. Они влетели в вестибюль, на бегу стряхивая с себя снежные хлопья.

— Ты помнишь, что сейчас семинар? — Руслан вопросительно посмотрел на Дашу.

— Да помню я, помню, — с досадой проговорила та.

Семинар сейчас волновал ее меньше всего. Зачем вообще она потащилась в универ? Осталась бы дома, пошла с сестрами в полицию.

— Тогда давай шевелись.

Руслан помчался вперед. Даша нехотя последовала за ним, и тут у нее зазвонил телефон. Соня! Она остановилась посреди коридора и схватила трубку.

— Да!! Что??

— Все так же.

От разочарования Даше захотелось сесть на пол прямо там, где она стояла.

— И не звонили? — спросила она с безнадежностью.

— Нет. Послушай, Даш, ты когда освободишься?

— Не раньше четырех. У меня четыре пары.

— А можешь пропустить последнюю?

— Зачем? Что-то случилось?

— Да нет. Ничего... — Соня слегка замялась. — Просто маме нехорошо. А мне надо отъехать по работе. Я думала, ты посидишь с ней.

— Конечно, посижу, не вопрос.

В конце коридора возник Руслан. Вид у него был возмущенный и даже свирепый.

— Эй! Ну ты где?

— Все, договорились. Скоро буду. — Даша отключила вызов и зашла вслед за Русланом в аудиторию.

Группа уже была в сборе. Преподаватель, пожилой, седовласый Владимир Львович, стоял за кафедрой и аккуратно протирал очки салфеткой.

— Опаздываете. — Он укоризненно покачал головой, глядя на Дашу и Руслана, протискивающих к своим местам. — Кстати, Бреславская, вас не было на прошлых занятиях. И на позапрошлых тоже. В чем дело?

— У меня были семейные обстоятельства, — сквозь зубы буркнула Даша.

— Замуж выходила, — прокомментировал сидевший впереди главный клоун курса Потапкин.

Аудитория грохнула от хохота.

— Я попрошу тишины. — Владимир Львович наконец водрузил очки на мясистый нос. — Думаю, все помнят, что у нас сегодня семинар. Готовы?

— Да-а, — раздался нестройный хор.

— Отлично. Тогда приступим. Я попрошу вас рассказать об экономической политике. И попрошу сделать это, скажем... скажем... — Он оглядел притихших студентов. — Бреславская! Я бы хотел услышать от вас про экономическую политику.

По аудитории пронесся шепоток. Даша встала, стараясь не смотреть на препода.

— Вы готовились? — спросил Владимир Львович.

— Да, — соврала она.

— Тогда милости просим.

— Экономическая политика государства — это процесс реализации его экономических функций путем разнообразных государственных мер воздействия на экономические процессы для достижения определенных целей.

Даша выпалила эту фразу одним духом и замолчала. Это было единственное, что она успела вчера прочитать в лекциях. Потом Соня позвала ее накрывать на стол.

Владимир Львович смотрел на нее с ожиданием.

— Совершенно верно, Бреславская. Продолжайте.

Даша молчала, чувствуя, что мучительно краснеет. Потапкин обернулся к ней и скорчил уморительную рожу. Рядом кто-то заржал в голос.

— Тихо, — рявкнул препод. — Бреславская, что же вы? Так хорошо начали. Ну хорошо, расскажите мне про виды экономической политики.

Даша умоляюще поглядела на Руслана. Тот кивнул и вытащил из пенала карандаш с ластиком на конце. Он постучал о стол сначала одним концом карандаша, затем другим и выразительно посмотрел на Дашу. Та радостно встрепенулась.

— Экономическая политика бывает... она бывает мягкой и твердой.

Грянул хохот. Брови Владимира Львовича поползли на лоб.

— Бреславская! Как вам не стыдно! Вы вообще читали лекции? Жесткой! Политика бывает мягкой и жесткой, а не твердой!! Это вам не сыр!

Вокруг уже откровенно держались за животы. Даша взглянула на препода исподлобья и села.

— Не переживай, — шепотом проговорил Руслан. — Подучишь немного и сдашь.

— Пошел он к черту со своей экономической политикой, — прошипела Даша.

— Ты не права. Это основной предмет. Его нужно знать.

— Тебе нужно, а мне нет. Я... я ненавижу экономику!

Даша обхватила руками голову и зажмурилась. Ей страстно хотелось, чтобы вся аудитория во главе с профессором провалилась в тартарары. В самом деле — Ярик исчез, а она тут слушает какую-то чепуху.

Руслан больше ничего не говорил, понимая, что все его попытки бесполезны.

— Позор, Бреславская, — заключил Владимир Львович. — Я буду вынужден написать на вас докладную декану. Бессонова, расскажите вы нам об экономических целях государства в рыночной экономике.

Отличница Бессонова вскочила и затараторила на одной заунывной ноте:

— Наиболее общие экономические цели государства в рыночной экономике — это обеспечение экономического роста, создание условий экономической свободы, обеспечение экономической безопасности и полной занятости...

Даша не слушала ее. Она полностью отключилась и погрузилась в свои тягостные мысли. Очнулась она лишь, когда все вокруг стали вставать и собираться.

— Дашкевич, пара закончилась. — Руслан потерял ее за плечо. — Идем, кофе попьем.

— Я домой. — Даша поднялась и принялась закидывать в рюкзак тетради.

— Как это домой? — он взглянул на нее почти с ужасом. — Ты и так пропустила всю прошлую неделю. Слышала, что Львович сказал? Он напишет на тебя докладную. Да еще столько хвостов за первый семестр. Тебя отчислят.

— Пускай. Мне плевать.

Руслан всплеснул руками.

— Нет! Ну ты даешь! Я... я...

Он замолчал, не в силах подыскать слова. Воспользовавшись паузой, Даша проскользнула мимо него и скрылась за дверью аудитории.

В квартире у матери пахло валокордином. Инга Николаевна лежала в постели в спальне, рядом на тумбе стоял тонометр.

— Хорошо, что ты пришла, — обрадовалась Соня при виде вошедшей Даши. — У мамы давление подвести.

— Может, врача? — встревожилась она.

— Не надо врача, — слабым голосом проговорила Инга Николаевна. — Мне уже лучше.

Даша разделась и подошла к Соне.

— Когда вы пойдете в полицию?

— Сегодня вечером. Катя работает до пяти. Я как раз к этому времени должна вернуться.

Соня быстро вышла в прихожую и мельком осмотрела себя в зеркале. Она выглядела вполне спокойной, только слегка бледней обычного.

— Я тогда поехала, да? — спросила она у Даши.

— Конечно, поезжай. Я никуда не уйду, буду здесь.

Даша пододвинула стул к кровати. Мать лежала, прикрыв глаза. Губы ее, обычно сочные и розовые, сейчас были сухими и потрескавшимися. Хлопнула входная дверь. Инга Николаевна вздрогнула и открыла глаза.

— Кто это?

— Мамуль, это Соня ушла. Ты спи. Принести тебе чего-нибудь? Может, чаю?

— Спасибо, солнышко, я ничего не хочу. Спать тоже не хочу. Голова трещит. — Инга Николаевна, морщась от боли, села, облокотившись о подушки. — Какое несчастье! Я места себе не нахожу. Бедные девочки.

Даша опустила голову. Она понимала, что должна успокоить мать, но ей самой было так тошно и страшно, что никакие слова утешения не шли на ум.

Вечер полз медленно и тоскливо, как старая черепаха. Инга Николаевна бродила по дому в халате, нерасчесанная и ненакрашенная, такой ее Даша никогда не видела. Она то и дело пила валокордин и таблетки от давления.

В половине пятого Даша не выдержала и позвонила Соне.

— Ты где?

— Мы едем в полицию. Только что встретились с Катей. Жди, через пару часов будем. Как мама?

— Плохо. Переживает за вас.

— Смотри, если что — вызывай «Скорую».

— Хорошо.

От нечего делать Даша стала писать Руслану. Тот, как всегда, отвечал, хотя был занят подготовкой к

очередному зачету. К семи часам ей стало так фигово, что захотелось выть. Матери меж тем немного полегчало, и она позвала Дашу ужинать. Едва они сели за стол, раздался звонок в дверь.

— Это девчонки! — Даша вскочила и понеслась в прихожую.

Это действительно были Катя и Соня, заснеженные, точно новогодние елки.

— Ну и погода. — Соня переступила через порог и потрясла головой, стряхивая налипший на волосах снег. — Машина Катькина, как всегда, сломалась. Пришлось пешком драпать. Катюха, бедная, вообще ооченела в своем пальтишке на рыбьем меху.

Катя правда выглядела ужасно замерзшей. Губы ее полиловели, кончик носа был пунцового цвета.

— Скорей ставь чайник, — велела Соня и стала снимать дубленку.

Даша не тронулась с места.

— Ты оглохла? — недовольно произнесла та. — Видишь, человек погибает. Ставь чайник.

— Сейчас поставлю. Расскажите, как вы сходили.

Катя онемевшими руками принялась расстегивать молнию на сапогах.

— Сходили. Написали заявление на розыск. Фотки оставили.

Тон ее был апатичным и усталым.

— А следовательно как? Что сказал?

— Да ничего почти не сказал. Обещал искать. Только... что-то верится с трудом.

— Почему с трудом? — испугалась Даша.

— У них все шкафы забиты папками с нераскрытыми делами, — сердито сказала Соня. — Наше дело тысяча какое-то.

Лицо ее было румяным с мороза, глаза блестели то ли от ледяного ветра, то ли от гнева. Даша машинально отметила, что выглядит Соня очень неплохо, несмотря на постигшее ее несчастье.

— Так ты ставишь чайник? — в который раз спросила она.

— Да.

Даша вернулась в кухню. Мать сидела за столом с безучастным видом. Перед ней стояла тарелка с почти не тронутой едой.

— Я все слышала, — сказала она, словно хотела оправдаться за то, что не вышла встречать Катю и Соню.

Даша включила чайник и села за стол.

— Я вот думаю, — Инга Николаевна посмотрела на нее тревожным, больным взглядом, — может, нужно

поискать кого-то в органах? Ну, чтобы ускорить процесс.

— Конечно, нужно! У тебя кто-то есть на примете? Инга Николаевна грустно покачала головой.

— Был один... один человек. К сожалению, умер в прошлом году. Он бы сейчас нам помог.

— Кто умер? — спросила Катя, заглядывая в кухню.

— Мама говорит, что нужно найти связи в Следственном комитете, — объяснила ей Даша.

— Найти! Легко сказать.

Катя дождалась, пока чайник закипит, и налила себе кипятку. Бросила в чашку пакетик и с наслаждением сжала ее ладонями.

— Как же я устала. Без Ярика как без рук. Я повешусь, если он не вернется.

— Мы обе повесимся, — мрачно изрекла вошедшая Соня. Помолчала и прибавила негромко: — Следователь велел обзвонить больницы и морги.

— Морги??

Даша едва не свалилась со стула. Инга Николаевна тихо заплакала.

— Да, морги, — тусклым голосом подтвердила Катя, продолжая пить чай.

— И вы молчите! — она задохнулась от обиды и отчаяния.

— Мы просто не хотели вас расстраивать, — мягко проговорила Катя и укоризненно посмотрела на Сою. — Зря ты. Я тебе говорила, не нужно. Можно было промолчать про морги.

— Да не могу я больше молчать! Не могу!! — Сонин голос в мгновение взлетел до крика.

Она опустила на стул и закрыла лицо ладонями.

— Тихо, тихо. — Инга Николаевна ласково погладила ее по голове.

Соня дернулась, сбрасывая ее руку.

— Все! Хватит! Больше не обсуждаем эту тему. Пусть полиция делает все возможное, а мы так с ума сойдем. И я есть хочу. Есть в этом доме хоть что-нибудь?

— Конечно, есть, — засуетилась Инга Николаевна. — Вот, макароны по-флотски. Я недавно приговорила. Давай положу тебе.

— Положи.

Ужин прошел в гробовом молчании. Катя сразу же умчалась за Олежкой, Соня и Даша побыли с матерью и тоже начали собираться.

— Может, мне остаться? — Даша с сомнением взглядела в бледное лицо матери.

— Нет, езжай домой. Ты и так со мной весь день просидела.

Инга Николаевна обняла ее и поцеловала.

— Звоните, если будут какие новости, — попросила она Соню.

— Обязательно. — Та кивнула и скрылась за дверью.

Очутившись на улице, Соня сразу же закурила. Она тщательно скрывала от матери, что курит, и Даше приходилось ее покрывать.

— Ну, что ты думаешь по поводу всего этого? — Соня глубоко затянулась и выпустила дым из ноздрей.

— Что я могу думать? Хочешь, я сама завтра схожу к вашему следователю и поговорю с ним? Заставлю его работать лучше.

— Так он тебя и послушал, — язвительно проговорила Соня.

— Тогда незачем спрашивать, — рассердилась Даша.

— Да это я так, чисто формально. Не злись. — Сестра похлопала ее по плечу. — Ну что, берем машину? Еще одного путешествия по морозу я не выдержу.

Они вызвали такси и через двадцать минут были дома.

— Все, я спать. Спокойной ночи. — Соня ушла к себе в комнату.

Даша, которая чувствовала себя как выжатый лимон, по-быстрому приняла душ и тоже улеглась. Она лежала и думала, как быть с институтом. Руслан, ко-

нечно, глаголет истину — ее отчислят, если продолжать в том же духе.

Мать запихнула Дашу в экономический против ее воли, просто потому, что считала подобное образование востребованным и модным. Сама же Даша терпеть не могла универ и все, что с ним связано. Полгода прошли в мучениях, прогулах, насмешках со стороны однокурсников и бесконечном вранье. Даша отчаянно врала всем — матери, преподам, даже сестрам. Первая же сессия окончилась хвостами по четырём предметам. Инга Николаевна переживала, пыталась нанять Даше репетиторов, но все было без толку.

И вот настал час икс. Если завтра она снова пропустит лекции, ее, пожалуй, вызовут в деканат. И это окончательно доконает мать. Стало быть, нужно идти. Даша тяжело вздохнула, поставила будильник на семь тридцать и закрыла глаза.

4

Ей снилось, что она плывет на теплоходе. Вокруг вода, серая, унылая, без конца и без края. Палуба открытая, моросит мелкий, противный дождь. Даша огляделась по сторонам — никого. Пусто. Она одна плывет на этом старом, ветхом суденышке, неведомо

куда и зачем. Ей сделалось невероятно тоскливо и страшно. Где все? Где мама, сестры? Где, в конце концов, Руслан?

Позади послышались шаги. Даша обернулась и вздрогнула: прямо перед ней стоял Ярик. Он был в одной рубашке и джинсах, светлые волосы, мокрые от дождя, прилипли ко лбу.

— Ярик! — выдохнула Даша. — Ты... откуда здесь? Куда вы пропали? Мы ждали вас, ждали... Девочки плачут, мама тоже. Вас полиция ищет.

Ярик слушал и ничего не отвечал. Только молча смотрел на Дашу, и в глазах его была печаль.

— Не хочешь со мной разговаривать? — Даша почувствовала, как к горлу подступают слезы. — Почему? Я... я так тебя люблю! Я больше не могу... не могу молчать об этом! Скажи, куда мы плывем? Ярик!!

Он с трудом разлепил губы.

— Никуда.

— Как никуда?

Даша ощутила холодок под ложечкой и поглядела на Ярика с мольбой.

— Как это — никуда?

— Так. Посмотри. — Он указал рукой за борт. — Видишь, волн нет, вода не движется. Это значит — мы стоим.

Даша поглядела на воду — она действительно была неподвижна. Серая гладь, рябая от дождевых капель.

— Я хочу домой! — Даша, уже не сдерживаясь, заплакала. — Как нам теперь попасть домой?

Ярик покачал головой.

— Этого я не знаю.

— Но не останемся же мы тут навсегда! Где капитан? Команда? Должна быть команда! Они отвезут нас на берег.

— Здесь нет капитана. И команды тоже. Только мы одни, ты и я.

Ярик повернулся и пошел от нее по палубе. Пелена дождя тут же скрыла его, остался лишь темный силуэт, который становился все меньше и меньше, пока вовсе не исчез.

— Ярик! — в отчаянии крикнула Даша. — Я-я-рик!..

И проснулась.

Сердце ее бешено колотилось, лоб был в испарине. Даша села на постели, тараща глаза в темноту. Что за жуткий сон? Что он означает? Неужели Ярик умер?? Но тогда почему она была с ним? Откуда эта мертвая серая вода? И почему во сне не было Альберта? Разве они с Яриком не вместе?

Дверь распахнулась, в комнату проникла полоска света. На пороге стояла Соня.

— Дашка, ты чего? Что случилось? Ты кричала во сне.

— Правда? Не помню. Наверное, приснилось что-то. Даша постаралась придать голосу спокойствие. Получилось у нее с трудом. Соня поглядела на нее с подозрением.

— Время — восьмой час. Я на работу. Постараюсь к обеду освободиться. Поеду к Катьке, она зашивает одна с мелким. Ты идешь в универ?

— Иду. Рано еще.

— Смотри не проспай. Знаю я тебя, задрыхнешь опять, как только я уйду.

— Не задрыхну.

— Ну ладно.

Соня вышла. Вскоре хлопнула входная дверь. Даша зажгла настенную лампу.

Постепенно она приходила в себя. Сердце перестало скакать бешеным галопом, дыхание стало ровным. Даша вытерла со лба пот и взяла с тумбочки телефон.

Она верила в сны. Иногда они у нее сбывались. Не слишком часто, но с какой-то определенной периодичностью. Год назад Даша прочла в интернете: будет сон вещим или нет, зависит от того, в какой день по лунному календарю он приснился. С тех пор она ска-

чала себе лунный календарь и заглядывала в него, когда видела во сне то, что ее цепляло.

Даша открыла таблицу, отыскала сегодняшнее число и выяснила, что в пять двадцать утра начался двадцать второй лунный день. Как раз в то время, когда ей приснился Ярик. В графе напротив были даны комментарии. Даша углубилась в чтение.

«Сны сегодняшнего лунного дня имеют глубокий философский смысл. Задача сновидца – разгадать их, понять, почему им приснилось то или иное событие. Иногда сны могут осуществиться, но не сразу, а по прошествии какого-то времени...»

Даша невольно поежилась. Перспектива застрять на месте посреди стоящей серой воды, даже в обществе Ярика, ее не слишком прельщала. Она закрыла вкладку, отложила телефон и отправилась на кухню завтракать.

Едва она достала из холодильника яйца и ветчину, позвонила Катя.

– Я не рано? Спишь?

– Нет, давно проснулась.

Даша заколебалась, сказать ли Кате о том, что ей снился Ярик, но решила промолчать. Катя не слишком верит в сны и вообще во всякую эзотерику, она по убеждениям ярый материалист. Еще, чего добро-

го, поднимет ее на смех. Тут Даша вспомнила про морги, и ее затрясло с новой силой.

— Ты будешь звонить? — спросила она потерянно.

— Куда? — не поняла сестра.

— Ну туда... куда следователь велел.

— А, ты об этом... — Катя тяжело вздохнула. — Да, буду. Чуть позже. Я сейчас Олежку отвела в ясли и еду на работу. Я что звоню — не хочешь вечером ко мне в гости? Вместе с Соней. Поможете мне немного, после посидим втроем. Жутко оставаться одной.

— Конечно, я приеду. Если не успею вместе с Соней, то попозже.

— Вот и хорошо. Спасибо тебе. — В трубке раздался короткий звук, похожий на всхлип.

— Ты плачешь? Катюш, не плачь! Пожалуйста. Мы с тобой.

— Нет, я не плачу, — быстро проговорила Катя. — Все в порядке. Не буду тебя отвлекать. До встречи.

— Пока.

Даша нажала на отбой. Телефон тут же зазвонил снова.

— Дашкевич! Как дела?

Даша невольно улыбнулась. От Руслана не отвяжешься, как ни пытайся. Он ее отыщет на дне морском.

– Не очень, если честно, – проговорила она, разбивая яйца на сковородку. – Сестры вчера ходили в полицию. Им велели обзванивать больницы и морги.

– Жесть, – лаконично прокомментировал Руслан. – Это значит, ты сегодня опять не придешь?

– Приду. Куда я денусь. Ты же сам сказал: иначе меня отчислят.

Масло зашипело, брызгая Даше в лицо.

– Рус, я завтракаю. Давай встретимся там же, где всегда. Через час.

– Заметано.

Даша наконец рассталась с телефоном, дожарила яичницу, съела ее, выпила кофе. Потом надела свои неизменные шмотки и отправилась грызть гранит науки.

5

Ей повезло. На сегодня не было назначено ни зачетов, ни семинаров. Она сидела на лекциях и клевала носом. Вокруг кипела жизнь: на задних рядах целовались влюбленные парочки, Потапкин рисовал прикольные шаржи на преподав и пересылал картинки по рядам. Кто-то тайком хрумкал чипсами, кто-то бесконечно делал селфи. Рядом Руслан строчил в тетради как из пулемета, стараясь записать слово в сло-

во то, что говорил препод. Дашу эта суета обходила стороной. Иногда она ловила себя на том, что дремлет и видит какие-то сны, но содержание их тут же забывалось. Иногда ей удавалось на пару минут сконцентрировать внимание на учебном процессе, и тогда в голову лезли какие-то отрывочные формулировки вроде «коэффициент монетизации», «финансовая стабилизация» и «бюджетная кривая». Впрочем, Даша тут же теряла нить повествования и снова погружалась в протрацию.

Так незаметно пролетел день. В обед они с Русланом выпили кофе в буфете, он съел домашние котлетки, принесенные в контейнере, а Даша закусила двумя пирожками с мясом и пирожным со взбитыми сливками, не обращая внимания на презрительные взгляды худеньких однокурсниц, которые грызли морковные палочки и с ужасом смотрели на калории в Дашиной тарелке.

— Вот видишь, — сказал ей Руслан, когда четвертая пара благополучно завершилась, — ничего плохого с тобой не случилось, оттого что ты пришла в универ.

— Ничего хорошего тоже, — философски заметила Даша, надевая куртку.

Они вышли в институтский дворик.

— Ты куда сейчас? — спросил Руслан. — Домой?

– Нет, на Ярославский вокзал. Поеду к Кате в Мытищи. Я обещала.

Руслан вздохнул.

– Лучше бы ты посидела у себя и почитала лекции к завтрашнему дню. Ну да что с тобой говорить... Ладно, до завтра. – Он помахал ей рукой и зашагал к метро.

Даша набрала Сою.

– Я еду. Электричка до Мытищ через полчаса.

– О'кей. Я уже тут. Мы тебя ждем.

Даша направилась к остановке. Она не любила метро и предпочитала, когда есть возможность, пользоваться наземным транспортом, даже если дорога занимала больше времени.

Подъехал автобус. Даша села на свободное место у окна и уткнулась в телефон. Автобус полз по пробкам, народ входил и выходил. В салоне было жарко и душно. Глаза у Даши стали слипаться. Она едва не проехала Комсомольскую площадь и выскочила, когда двери стали закрываться.

Стремительно темнело. Даша купила билет в пригородных кассах, прошла турникет и очутилась на платформе. Электричка уже стояла с раскрытыми дверями, гостеприимно принимая пассажиров, до ее отправления оставалось семь минут.